

Глава 22. Свадебный пир

Эти полдня пролетели одновременно и необычайно быстро, и мучительно медленно. Цзян Нин чувствовал, будто пережил слишком многое: Ли Цзяоэр и Ван Сююнь крутились вокруг него без конца, наряжая его, словно пышную рождественскую ёлку. В то же время казалось, будто он вовсе ничего не сделал, а солнце уже склонилось к западу и наступил вечер.

На этот раз Ли Цзяоэр не стала ничего объяснять. Она схватила Цзян Нина за голову и намазала на его губы немного румян, потом похлопала по щекам и, удовлетворённо кивнув, сказала:

— Вот теперь другое дело, теперь ты и правда похож на новобрачного.

Беспомощный Цзян Нин:

— ...

Ладно, сегодня же большой праздник. Бесплатный макияж и наряд обеспечен!

Снаружи поднялся шум, зазвучали сона и барабаны. Ван Сююнь и Ли Цзяоэр рассмеялись:

— Жених приехал за невестой!

Ли Цзяоэр вскочила и, хитро улыбаясь, сказала:

— Пойду-ка и я выпрошу несколько «счастливых денег»!

У Цзян Нина дрогнуло сердце, и он, выглянув в щель окна, проследил взглядом за её удаляющейся фигурой.

На самом деле видно было немного: ворота во двор закрыты, братья Цзян Ань и Цзян Дин стояли у щели, переговариваясь с кем-то снаружи, а Ли Цзяоэр подбежала и ловко вклинилась в их разговор.

Через некоторое время Цзян Дин приоткрыл ворота и внутрь быстро протянулась рука с несколькими красными конвертами.

Цзян Ань, Цзян Дин и Ли Цзяоэр разделили эти конверты, после чего распахнули ворота и впустили гостей. Цзян Нин сразу же увидел Шэнь Да-лана, которого тётушка У подталкивала вперёд.

В праздничном наряде Шэнь Да-лан выглядел ещё красивее. Цзян Нин молча похвалил себя: «Вкус у меня всё-таки отличный».

— Пойдём, Нин-гер, — Ван Сююнь тоже заметила, что двор семьи Цзян уже заполнили пришедшие за невестой гости, поэтому с улыбкой накинула на Цзян Нина ярко-красное покрывало, помогая ему подняться. — Пора выходить.

Шэнь Юньчжоу стоял с каменным лицом, словно марионетка в руках тётушки У, позволяя ей водить себя туда-сюда.

Надо признать, получив деньги за сватовство, тётушка У работала на совесть! Только теперь Шэнь Юньчжоу по-настоящему осознал, насколько сложны древние свадебные обряды.

Разве у них не фиктивный брак? Разве они не должны были всё упростить??

Как только наступил час сьюй, тётушка У вытолкнула его со двора новобрачных и повела к дому семьи Цзян. Дворы стояли рядом, идти было всего ничего, но ещё не дойдя до ворот, перед ними вдруг выскочили двое человек. У каждого в руках была корзинка, и они начали пригоршнями разбрасывать её содержимое на Шэнь Юньчжоу.

Там были зёрна, бобы, кусочки травы и немного медных монет. Окружающие деревенские зеваки радостно вскрикнули, а дети тут же бросились вперёд, наперегонки подбирая монеты у ног Шэнь Юньчжоу.

Без толкотни, конечно, не обходилось, но ведь это всего лишь дети. Да и в день чужой свадьбы они проявляли хоть каплю благоразумия: если уж и ссориться, то лучше отойти в сторонку, подальше от глаз.

Так по местному обычаю изгоняли «трёх зловредных духов» — зелёного барана, чёрную курицу и синего быка.

Считалось, что эти три духа подстерегают на порогах, у колодцев и очагов, в углах стен — на пути, по которому должны пройти новобрачные, и особенно любят вредить в благоприятные дни и часы. Столкновение с ними может привести к бесплодию, разорению или даже к болезням и внезапной смерти.

Поэтому для их изгнания использовали зёрна, бобы, траву и медные монеты.

Когда корзины опустели, те двое хором выкрикнули:

— Зелёный баран склоняет голову, чёрная курица складывает крылья, божественный бык уходит в землю! Новобрачным путь открыт к счастью!

Толпа зевак снова разразилась одобрительными криками. Профессионально... вот это действительно профессионально!

В деревне на свадьбах разбрасывали зёрна и бобы, отгоняя нечисть, но такие изящные, учёные благопожелания умел произносить далеко не каждый. Некоторые прежде шептались, мол, Цзян Шуйшэн не позвал родственников со стороны родного брата помогать со свадьбой, но, увидев, насколько слаженно работают люди из «четырёх управ и шести ведомств», уже не нашли, к чему придаться.

Те двое отступили, однако ворота дома семьи Цзян оставались закрытыми. Настал черёд «запирать ворота». У образованных слоёв тут бывало множество затей — могли заставить жениха сочинять стихи или отвечать на загадки, но в деревне обходились проще. Цзян Дин, повысив голос, заставил Шэнь Юньчжоу пообещать, что тот будет хорошо относиться к его младшему брату, и только получив положительный ответ, приоткрыл ворота и принял несколько красных конвертов.

Внутри каждого лежала всего одна медная монета. Тётушка У даже осталась довольна: изначально она заготовила двадцать конвертов, а сейчас понадобилось лишь шесть. Ей удалось сэкономить целых четырнадцать монет!

— Я-то думала, раз уж не позвали Цзян Фушэна с остальными помогать, — бормотала она, — то на воротах хотя бы несколько младших всё равно объявятся. Цзян Сяодоу и Фэн Чэнэр те ещё занозы.

Шэнь Юньчжоу по-прежнему стоял с безучастным лицом. Он и понятия не имел, кто есть кто.

Когда конверты были вручены, ворота наконец распахнулись, и Ли Цзяоэр, сияя от радости, юркнула обратно к Цзян Нину. Её вовсе не привлекали эти несколько медяков — в качестве подарка она уже дала Цзян Нину целых две десятых ляна серебра. Ей просто хотелось прикоснуться к свадебной удаче.

«Муж у Нин-гера и правда красавец... Вот бы и мне найти такого же!» — мечтала она.

К тому же она зарабатывала причёсками для невест, и красная бумага от конвертов могла ей пригодиться, ведь не все клиенты могли позволить себе румяна. Бедные невесты порой ограничивались лишь причёской, а губы слегка окрашивали, прижимая к ним кусочек красной бумаги.

Заметив, как она бережно убирает две бумажки, Цзян Дин немного подумал, высыпал монеты из своих конвертов и тоже отдал ей красную бумагу.

Ли Цзяоэр с радостью приняла подарок и засияла ещё сильнее.

Цзян Ань, стоя рядом, наблюдал за ними, сжимая в руках свои два конверта.

А Шэнь Юньчжоу, хоть и вошёл во двор, всё ещё должен был пройти ряд обрядов: сперва переступить через седло — в знак мирной и безопасной жизни, затем наступить на весы — как символ справедливости.

Лишь пройдя всё это, он наконец оказался у дверей главного дома.

Дом семьи Цзян был построен уже после того, как семья разбогатела. Это было добротное здание из серого кирпича под черепичной крышей, с просторным двором.

В крестьянском доме не было строгих правил планировки: спереди — широкий передний двор, по обе стороны — по две боковые комнаты; сзади — ещё один просторный двор, где стояли курятник и свинарник, а также был разбит огород.

Посередине располагались три главные комнаты. Изначально старики занимали восточную комнату, западная служила кладовой. Цзян Ань и Цзян Дин жили в восточных боковых комнатах, а Цзян Пин и Цзян Нин — в западных.

Когда Цзян Пин вышла замуж, и Цзян Нин остался один, тогда его переселили в западную комнату главного дома, а братья получили по две боковые комнаты каждый.

Теперь Цзян Шуйшэн и Фэн Гуйчжи сидели в главном зале, а за занавеской западной комнаты, поддерживаемой «женщиной полного счастья» Ван Сююнь, уже ждал Цзян Нин.

Несмотря на то, что у стариков уже был опыт выдавать кого-то замуж, они всё равно заметно нервничали: тёрли руками штанины и не знали, куда себя деть. Лишь когда Ли Цзяоэр принесла поднос, Фэн Гуйчжи, по подсказке тётушки У, взяла с него яркий, красивый цветок и воткнула его в волосы Шэнь Юньчжоу.

Шэнь Юньчжоу:

— ...

Он, конечно, слышал, что в древности мужчины носили цветы в волосах и даже пользовались

пудрой, но когда это происходит с тобой самим... в общем, ощущение было довольно странное...

Однако отказаться он не мог: ведь, украшая его цветком, Фэн Гуйчжи тем самым наделяла его статусом «наполовину сына». Поэтому ему оставалось лишь, с алым цветком на голове, выпить три чаши вина.

Первую чашу поднесла тётушка У — сваха:

— Жених талантлив, а новобрачный прекрасен! Живите в согласии и радости.

Вторую — Ван Сююнь, выступавшая в роли тётушки:

— Пусть род ваш множится, пусть будет много детей и внуков.

Третью — Фэн Гуйчжи, как свекровь:

— Доживёте вместе до седых волос и будьте едины сердцем.

В современной жизни Шэнь Юньчжоу почти не пил и особой выносливостью не отличался. Но вино в древности было куда слабее. На вкус оно напоминало сладковатый рисовый отвар...

И, надо сказать, довольно вкусный отвар.

Шэнь Юньчжоу пропустил мимо ушей все благопожелания и просто выпил всё до дна.

Затем тётушка У неизвестно откуда достала деревянную резную фигурку дикого гуся. По обычаю, со стороны жениха полагалось преподнести гуся, но настоящих гусей было трудно поймать и стоили они дорого, так что простолюдины заменяли их деревянными. Тётушка У сунула фигурку в руки Шэнь Юньчжоу и велела, держа её, поклониться Цзян Шуйшэну и Фэн Гуйчжи.

Улыбка на лице Фэн Гуйчжи стала ещё шире, она прошла в западную комнату и вывела оттуда Цзян Нина, укрытого свадебным покрывалом.

По обычаю, в этот момент она должна была наставить его словами о почтении к старшим, но, вспомнив, что у Шэнь Да-лана родителей уже нет, на мгновение растерялась. В итоге она лишь похлопала Цзян Нина по руке:

— Живите дружно, живите хорошо!

Шэнь Юньчжоу заметил, как под красным покрывалом слегка качнулась голова. Похоже, Цзян Нин кивнул.

Цзян Шуйшэн тоже поздравил:

— С этого дня живите бережливо, ведите хозяйство... ведь после свадьбы уже не так, как дома... у-у-у...

Все изумлённо обернулись: он не договорил даже обычных напутственных слов и вдруг расплакался...?

Крепкий, рослый старик, а рыдал навзрыд.

Фэн Гуйчжи стало неловко, она с силой ткнула его локтем пару раз. Что это с ним? Несколько лет назад, когда Цзян Пин выходила замуж, он точно так же ревел... да так, что со стороны можно было подумать, будто в деревню волк забрался.

Правда, тогда и она сама плакала, потому и не стала его упрекать. Но ведь Цзян Пин уехала в уездный город, не наездишься к ней каждый день. А Цзян Нин выходит замуж всего лишь в соседний двор! Через стену! Разве это не всё равно что остаться дома?

Как говорил сам Нин-гер, этот Шэнь Да-лан ведь не забирает его, а приходит в их семью. Так чего плакать?

Выдавать замуж гера так близко и при этом рыдать? Люди в деревне ещё скажут, что семья слишком уж чувствительная!

Цзян Шуйшэн вытер слёзы. Его просто захлестнули чувства... К тому же только он, как отец, мог по-настоящему понимать, что значит выдать гера замуж.

Его тёплая «ватная курточка», что всегда согревала его самого, теперь будет согревать другого. Разве это не повод разрыдаться? Теперь, пожалуй, он уже не будет самым важным мужчиной в жизни Нин-гера... как тут не плакать, у-у-у...

Он с усилием взял себя в руки и, всхлипывая, всё же договорил наставления. Тётушка У поспешила сгладить неловкость, улыбаясь:

— Вот это и есть настоящая любовь к сыну-геру, смотрите, как ему тяжело расставаться! Да-лан, ты уж береги его как следует!

В душе Шэнь Юньчжоу почувствовал странное беспокойство. Разве у них не фиктивный брак? Полную церемонию он ещё мог понять, ведь семье Цзян, возможно, важна репутация. Но зачем тогда отец так убивается?..

Он не успел как следует об этом подумать, как тётушка У уже сунула ему в руки пёструю красно-зелёную ленту.

Другой конец передали Цзян Нину. Держа ленту вместе, они вновь поклонились Цзян Шуйшэну и Фэн Гуйчжи.

Затем Шэнь Юньчжоу, повернувшись лицом к Цзян Нину, потянул ленту и, пятясь назад, вывел его за дверь.

В этом тоже был смысл: шаг назад со стороны мужа означал уступчивость, следование за ним — послушание новобрачного. Так делали, чтобы в будущем супруги умели уступать друг другу и не ссорились.

Подойдя к воротам, стало ясно, что из-за близости домов нет нужды в свадебной повозке. Но и просто идти пешком Цзян Нину было нельзя. В этот день его «драгоценные ноги» не должны касаться «низкой земли». Обычно его должен был бы нести старший брат до паланкина, но Цзян Ань просто донёс его на спине до ворот нового дома, где его принял Шэнь Юньчжоу и понёс уже в брачные покои.

Шэнь Юньчжоу неловко присел. Раз уж всё дошло до этого, отказываться он не стал, но на душе было не по себе.

Эх, он несёт на спине другого мужчину... опять запяtnался...

Но стоило Цзян Нину наклониться и забраться ему на спину, как у Шэнь Юньчжоу тут же подкосились ноги. Он едва смог подняться, вызвав у окружающих крестьян взрыв смеха.

Стоявший рядом Цзян Дин метнул на него сердитый взгляд: да что с ним? Неужели до брачной ночи уже обмяк?

Неужели только с виду крепкий, а на деле — так себе?..

Шэнь Юньчжоу с трудом взял себя в руки и, подняв Цзян Нина, направился к брачным покоям.

Небеса, почему он так пахнет?.. Стоило лишь ощутить его на своей спине, как тонкий аромат стал проникать в нос, заставляя сердце Шэнь Юньчжоу бешено колотиться.

И почему он такой мягкий?.. Прижавшись к его спине, он казался лёгким, словно комок ваты — мягкий и тёплый, его тепло обжигало, заставляя Шэнь Юньчжоу покрываться потом.

А под многослойными свадебными одеждами его тело начинало предательски отзываться...

Раньше ему хватало одного взгляда на лицо Цзян Нина, чтобы потерять рассудок, начать осыпать его подарками и забыть о намерении отказаться от брака. А теперь тот был так близко, прижат к нему... реакции собственного тела приводили Шэнь Юньчжоу в смятение и отчаяние.

Тётушка У, наблюдая со стороны, начала тревожиться. Почему даже сейчас этот Шэнь Да-лан выглядит таким мрачным? Она боялась, как бы её замысел не раскрылся этой ночью и всё не пошло наперекосяк. Оглянувшись, она заметила своих двух сыновей. Те сегодня пришли помочь и заодно поесть на свадьбе: у семьи Цзян, говорят, столы будут щедрые!

Тётушка У незаметно подозвала их к себе и тихо прошептала:

— Смотрите, потом схватите этого Шэнь Да-лана и хорошенько его напоите...

В брачную ночь ей совсем не хотелось, чтобы он наговорил лишнего. Лучше уж напоить его до беспомысленности, чтобы Нин-гер сам всё уладил и дело было решено. Нужно сделать так, чтобы сырой рис стал варёным, хе-хе.

— Хе-хе-хе...

Мысли У Дачжуаня и У Эрцяна уже давно витали возле богатого свадебного стола семьи Цзян. Глядя на то, как Шэнь Юньчжоу, пошатываясь, несёт на спине Цзян Нина, они не придали этому особого значения.

Хоть он и высокий да крепкий на вид, а толку, похоже, немного — слабак. Значит, и пить, наверное, не умеет. К тому же двое против одного! Неужели они не перепьют его?

Братья тут же, хлопая себя в грудь, заверили:

— Мама, не переживай!

Да ещё и между собой начали обсуждать: напоить — это хорошо, но переборщить тоже нельзя. Если Шэнь Да-лан напьётся так, что на ногах стоять не сможет — это ведь делу повредит. Нужно знать меру...

Шэнь Юньчжоу и не подозревал, что тётушка У уже всё за него распланировала. Стоило ему войти во двор нового дома, как снова нашлись люди, разбрасывающие зёрна, бобы и траву. Только вот Цзян Нин был у него на спине, так что заодно осыпали и его самого.

Он донёс Цзян Нина до брачных покоев и осторожно поставил перед кроватью. Даже от кровати исходил аромат: на ней были рассыпаны разноцветные зёрна и плоды, да ещё, кажется, добавлены благовония. Всё это, смешиваясь с запахом самого Цзян Нина, кружило голову.

— Жених ещё покрывало не снял, а уже остолбенел! — засмеялись зеваки, подзадоривая его.

Тётушка У тем временем сунула ему в руку дощечку из бамбука.

В те времена ещё не использовали коромысло весов, чтобы приподнимать покрывало ради счастливого знака «исполнения желаний». Вместо этого применяли либо прялочное веретено, либо ритуальную табличку. Прялочное веретено — из-за развитого ткачества, чтобы пожелать новобрачным трудолюбия, но Цзян Нин не занимался прядением, поэтому этот вариант отпал. Цзян Дин, правда, предлагал воспользоваться поварёшкой, но за это его тут же погнали и Фэн Гуйчжи, и сам Цзян Нин.

А вот табличка — это предмет, который чиновники держали при аудиенции у правителя. В день свадьбы простолюдинам позволялось слегка «переступить границы», и та бамбуковая дощечка в руках Шэнь Юньчжоу была как раз таким упрощённым вариантом.

Он приподнял покрывало. Цзян Нин, до того опустивший голову, посмотрел ему в лицо и тут же снова опустил глаза, смущённо улыбнувшись.

Это была обычная реакция новобрачного, но для Шэнь Юньчжоу... Он был так похож на старшего товарища в праздничных одеждах... а его улыбка... всё это казалось сном. Шэнь Юньчжоу покраснел до самых ушей.

Снова раздался добродушный смех.

Тётушка У незаметно ткнула его пару раз, приводя в чувство, и протянула:

— Поклонись!

Цзян Нин стоял у кровати, сложив руки перед грудью, слегка наклонился и быстро поклонился Шэнь Юньчжоу.

И тут тоже имелся свой смысл: в эту эпоху ещё не существовал обычай, как в более поздние времена Мин и Цин, поклоняться небу и земле или родителям. У Шэнь Да-лана нет родителей, да даже если бы они и были, в этот вечер Цзян Нину их видеть не нужно.

Сейчас им требовалось лишь поклониться друг другу в брачных покоях. И новобрачные при этом старались опередить друг друга. Считалось, что тот, кто поклонится первым, будет иметь больше власти в семье.

Цзян Нин успел первым и втайне порадовался.

«Я поклонился первым — значит, в доме буду главным, хе-хе».

Шэнь Юньчжоу же ничего об этом не знал. Он и без того чувствовал себя неловко, поэтому

поклонился лишь спустя некоторое время.

После этого тётушка У принесла «свадебное вино единения». Его подавали в половинках тыквы-горлянки. Одну разрезали надвое, и каждый держал свою часть.

Горлянка горькая. Это был символ того, что новобрачные будут вместе делить и сладкое, и горькое.

Как только вино попало внутрь, лицо Шэнь Юньчжоу запылало ещё сильнее. Он поспешно поставил свою половинку и, отвернувшись вполборота, больше не осмелился смотреть на Цзян Нина.

Цзян Нин тоже опустил свою половинку, но в душе тихонько усмехнулся.

... Как же это забавно. Когда он только что лежал у Шэнь Юньчжоу на спине, то чувствовал те крепкие мышцы под одеждой и вздувающиеся жилы на шее — всё это чрезвычайно понравилось Цзян Нину.

— Ну всё, идите встречать гостей, все уже ждут начала пира! — тётушка У отрезала у них по пряди волос, связала их вместе и положила в большой красный кошель, а затем облегчённо выдохнула.

Обряд наконец завершён! Её задача выполнена!

Шэнь Юньчжоу тут же увели наружу два сына тётушки У. Они уже сгорали от нетерпения: и за стол скорее сесть, и напоить Шэнь Юньчжоу!

Повара из «четырёх управ и шести ведомств» хоть и уступали Цзян Нину, но всё же были куда искуснее деревенских. Аромат блюд давно уже витал по двору.

На столы постепенно выставляли четыре холодных и четыре горячих блюда. Всего получилось восемь тарелок. В жару блюда можно было подавать заранее, не боясь, что они остынут. Позже должны были подать сладости и суп — всего выходило «десять совершенств».

Ассортимент был не слишком разнообразный, зато все сытные блюда находились в больших мисках. Столы ломились от еды: из холодных закусок были салат из соевой плёнки, холодные ломтики лотоса, смесь из двух видов древесных грибов с ароматным тофу, а также карповый сашими.

В те времена очень любили есть сырое: сырое мясо косули, оленя, рыбы... Сам Цзян Нин такого никогда не ел и домашним не позволял, ведь даже современной речной рыбе трудно гарантировать отсутствие паразитов.

Для карпового сашими брали крупного жёлтого карпа из Хуанхэ, снимали чешую, удаляли внутренности, многократно промывали чистой водой, затем вытирали насухо и нарезали очень тонкими ломтиками. Лучшие повара могли резать тоньше крыльев цикады. Повара из уездных «четырёх управ и шести ведомств» такого уровня не достигали, но ломти всё же получались почти прозрачными.

Затем ломтики заворачивали в ткань и аккуратно отжимали. Нужно было удалить остатки крови и влаги, но не повредить тонкую рыбу, что тоже требовало мастерства.

После этого рыбу смешивали с рубленным имбирём, соломкой зелёного лука, цедрой

цитрусовых, сычуаньским перцем и фенхелем, мариновали четверть часа. Перед подачей половину блюда поливали соусом из квашеной редьки, вторую — смесью горчицы и рисового уксуса.

Едва это блюдо подали, сельчане тут же начали нахваливать щедрость семьи Цзян.

Деревня Сяхэ стояла у воды, и рыбу здесь ели часто, но обычно это была мелкая речная рыба с множеством костей. В общем, для сашими она не годилась.

Можно было наловить своей, но они специально купили карпа из Хуанхэ. Было видно, как высоко семья Цзян ценит Нин-гера.

К тому же на деревенских пирах холодные закуски обычно ограничивались маринованной редькой, битым огурцом или капустой с лапшой. Никто не видел, чтобы на холодные блюда подавали мясо!

А когда начали выносить горячее, от мисок невозможно было оторвать глаз. Одним из блюд была курица, тушёная с периллой, рецепт которой дал сам Цзян Нин. Жирную курицу рубили на куски, и в раскалённой сковороде без масла обжаривали на среднем огне. Из курицы вытапливался жир, куски подрумянивались с двух сторон, затем добавляли стебли периллы. Потом вливали немного соевого соуса, пол-ложки соли, перемешивали до аромата, заливали кипятком так, чтобы он покрывал всё содержимое, и добавляли пару капель жёлтого вина.

Тушили, пока курица не становилась мягкой, затем на сильном огне выпаривали соус и несколькими порциями добавляли листья периллы.

Была ещё огромная миска «бацзы-жоу*» — куски мяса размером с ладонь и толщиной в палец, внутри которых тушились яйца с «тигровой шкуркой» и высокая горка мясных шариков «коувань». Заранее обжаренные фрикадельки плотно укладывали в большую миску, заливали бульоном с луком, имбирём, сычуаньским перцем и соевым соусом, а затем готовили на пару около получаса. Потом миску переворачивали на блюдо и шарики сохраняли форму плотного полукруга.

* перевёрнутые фрикадельки

Таким способом, помимо «перевёрнутых» фрикаделек, готовили ещё «перевёрнутое» хрустящее мясо, «перевёрнутые» жареные рёбрышки — всё это были сытные и жирные блюда.

Распаренные фрикадельки впитывали бульон и по вкусу сильно отличались от просто обжаренных. Стоило немного укусить, и рот наполнялся ароматом.

— Вот скажи, мы же тоже дома делаем фрикадельки, почему у нас такого вкуса не выходит? — сокрушался один из деревенских, закидывая в рот по шартику за шариком и тут же откусывая большой белый паровой маньтоу, который подавали в бамбуковых корзинах.

Сосед по столу рассмеялся:

— Ты ещё сравнил! Свои фрикадельки и их?

В те времена фрикадельки тоже готовили, но редко. Крестьяне и так мясо ели нечасто, станут они ещё рубить его в фарш? Тем более обычно готовились варёные фрикадельки в воде! Где им тягаться с жареными по аромату?

Одного только масла на такой пир сколько ушло!

Даже если бы у него дома решились жарить фрикадельки, то всё равно добавили бы в них овощей. Кто станет жарить чистое мясо? Он больше ничего не сказал и только продолжал набивать рот.

Один такой пир и масла останется на полмесяца!

Но сильнее всего сельчан поразило блюдо с таро и сушёными гребешками. Таро нарезали ломтиками и укладывали в глиняный горшок. В другой сковороде разогревали масло, быстро обжаривали ломтики имбиря и белую часть зелёного лука, затем добавляли заранее размоченную сушёную рыбу, грибы, сушёных креветок и сушёные гребешки.

Затем заливали кипятком, добавляли сахар, соль, перец, соевый соус, доводили до кипения и переливали всё в горшок с таро. На слабом огне томили, а перед подачей посыпали зелёным луком.

В этом блюде были не только редкие сушёные гребешки — туда ещё и перец добавляли! Разве простолюдины могут себе такое позволить? Вмиг палочки на столах замелькали, а разговоры прекратились.

Когда с основными блюдами было покончено, на каждый стол подали тарелку клейких рисовых пирожных с финиками и грецкими орехами и большую миску супа из морских водорослей с яйцом и сушёными креветками.

Пир у семьи Цзян оказался просто невероятно щедрым!

А Шэнь Юньчжоу, которого братья У таскали за собой, заставляя пить, изнывал от нетерпения: он тоже хотел есть! Перед самой смертью в апокалипсисе он даже досыта не поел... можно сказать, будто переродился голодным духом. Как ему устоять перед такой едой?

Кто же знал, что в деревне Сюэхэ кормят так хорошо?!

Шэнь Юньчжоу всё время втягивал носом воздух. Раньше он считал, что и в горах питается отлично: дичь, дикие овощи и фрукты... он даже мог стимулировать их рост. Некоторые лесные плоды он прежде, в современном мире, никогда не видел, а на вкус они были весьма хороши.

Конечно, после мира апокалипсиса, где всё было в дефиците, любая еда казалась ему вкусной.

Но он бывал в Люшугоу и знал, что там питались гораздо скромнее. Даже лепёшки, купленные им в уездном городе, уступали современным шаобинам, поэтому он не ждал многого от кухни этой эпохи.

Оказалось, дело не во времени — просто Люшугоу бедный, а вот в Сюэхэ живут куда лучше... Шэнь Юньчжоу готов был есть и пить без остановки, но его всё время тянули пить, не давая ни минуты передышки.

Вот же несправедливость! Все вокруг только и делают, что уплетают, а один лишь жених обязан ходить и чокаться со всеми!

Дайте мне хоть кусочек!